

ВИКТОР ГЛЕБОВ

НЕЖИЛЕЦ

СЕРИЙНЫЙ ОТДЕЛ

ДЕТЕКТИВ НЕ ДЛЯ
СЛАБОНЕРВНЫХ

Виктор Глебов Нежилец

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11824949
Глебов, Виктор. Нежилец; Издательство «Э»; Москва; 2015
ISBN 978-5-699-82433-5*

Аннотация

Следователь Самсонов работает в отделе серийных убийств. Когда он был еще подростком, маньяк убил его старшую сестру при помощи промышленного утилизатора. Преступник – некий Хоботов – был найден по горячим следам, осужден, а потом прикончен сокамерниками. И вот спустя десять лет после тех трагических событий Самсонову поручают расследование жуткого происшествия: на заброшенном заводе в похожей утилизационной гидравлической машине зверски убита молодая женщина. Самсонов берется за расследование и пытается выяснить, старый это маньяк или новый? Очень скоро «отмороженный» дает о себе знать: он похищает дочь начальника отдела полиции и предлагает Самсонову поиграть в игру «Попробуй найди»...

Содержание

Глава 1	5
Понедельник, 12 июня	5
Вторник, 13 июня	9
Глава 2	30
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Виктор Глебов

Нежилец

Черный цвет содержит белый, желтый и прочие.

В Кали же заключены все существа в мире.

Маханирвана-Тантра

© Ежов М., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

Глава 1 Призраки прошлого

Понедельник, 12 июня

Павел Петрович Башметов, начальник особого отдела РУВД и, стало быть, Самсонова, сидел после окончания рабочего дня у себя в кабинете и курил сигару, специально приобретенную по особому поводу: его дочь Вероника окончила школу.

– Документы решили подать сразу в три вуза, – говорил Башметов, попыхивая сигарой. Окно было распахнуто, и за ним качались на небольшом ветру тонкие ветки яблони. – В Корабелку, Политех и Университет путей сообщения. Баллы у нее высокие, должно хватить. Правда, говорят, что туда берут пацанов в основном. Вот только не очень-то они идут в технические вузы нынче.

Башметов поерзал, поудобнее устраивая массивное тело в кресле. За последние годы он здорово пополнил и, кажется, не собирался останавливаться на достигнутом. С тех пор как Башметова назначили руководителем так называемого «серийного» отдела, жизнь его стала куда как спокойней: в России маньяки водились не в таком количестве, как в США или Южной Америке, что весьма Башметова радовало.

В кабинете присутствовали подчиненные Башметова: опера Рогожин, Морозов и Горелов, следователи Дремин и Коровин. День выдался на редкость жаркий, и все присутствующие изнывали от духоты. Вонь от сигары лишь усугубляла тяжелую атмосферу кабинета, и полицейским больше всего хотелось выбраться на улицу, где по крайней мере ощущалось дуновение ветерка.

Самсонов примостился на подоконнике, вертя в руках пластиковый стакан с безалкогольным шампанским. Он тоже был следователем, но вскоре должен был пойти на повышение – по крайней мере так считал его начальник. У самого Самсонова на этот счет были серьезные сомнения: не столько из-за того, что существовали и другие претенденты, сколько потому, что он не был уверен, что действительно хочет и дальше заниматься полицейской работой. В последнее время маньяки не объявлялись, и Самсонов начал откровенно скучать, даже подумывал подать рапорт о переводе обратно в «убойный» отдел – там по крайней мере отдыхать было некогда.

Почему же он перешел сюда, под начало Башметова? Все дело было в том, что в последнее время дела, которые он вел, казались ему все однообразнее, дни превращались в рутину, и он чувствовал, как постепенно превращается в машину для заполнения отчетов, протоколов и прочих бумажек. Больше половины дел представляли собой банальнейшую бытовуху, и расследовать там было особо нечего: то мужик спьяну зарежет жену и сам вызовет полицию, то жена огреет неверного супруга сковородой по голове – и опять же вызовет полицию.

Самсонов слишком хорошо помнил, для чего пошел служить в полицию. Перестать болеть душой за свое дело означало для него предать человека, которого он не мог вычеркнуть из своей жизни, несмотря на то что того давно уже не было в живых. И он не хотел тратить время на то, что мог бы сделать каждый мало-мальски обученный следок. Самсонов мечтал вести дела, требующие полной выкладки. И еще он хотел ловить и сажать демонов в человеческом обличье – маскирующихся под людей монстров, не ставящих чужую жизнь ни в грош.

Следователь провел ладонью по короткому ежику светло-русых волос (подстригся он только вчера и еще не привык к новой прическе, хотя Карине она понравилась) и пошеве-

лился на подоконнике, принимая более удобную позу, при этом кобура немного съехала и уперлась во внутреннюю сторону плеча. Полицейский досадливо поморщился и произвольно сжал пластиковый стаканчик, едва не выплеснув его содержимое себе на джинсы.

– Я обещал Нике закатить вечеринку, – сказал Башметов, обводя подчиненных добродушным взглядом. – Собственно, практически все готово. Вы все приглашены. Отказов не принимаю.

– Когда торжество-то, Пал Петрович? – спросил весело Дремин.

Он тоже курил, только сигарету, украдкой стряхивая пепел в кадку с фикусом, стоявшую возле двери. У него были выразительные черты лица, короткие черные волосы, торчащие ежиком, и тонкая полоска усов, которые он отрастил совсем недавно, чтобы походить на какого-то актера, от которого была в восторге его жена. Казалось, его единственного не смущали ни жара, ни клубы табачного дыма, расплзающегося по кабинету.

– Завтра в шесть у меня на даче, – ответил Башметов. – Адрес дам. Это недалеко от Павловска.

– Получается, у нас послезавтра выходной? – прищурился Коровин. – А то мы ж не встанем с утра!

– Получается, – кивнул Башметов. – Только, пожалуйста, без экстрима! Я не хочу, чтобы этот день запомнился Нике как пьяный разгул папиных сотрудников.

– Пал Петрович, за кого вы нас принимаете?! – притворно возмутился Дремин. – Мы ж это... малопьющие и высокоморальные!

– Это ты своей бабушке-монашке расскажи! – усмехнулся Башметов. – Ладно, сейчас приказываю р-разойтись, а завтра милости прошу ко мне. С собой можно не приносить, все есть.

– Что, прямо настоящий банкет будет? – поинтересовался Коровин, почесав небритую щеку короткими пальцами. Он был невысоким, крепко сбитым шатеном с широко расставленными серыми глазами. В выражении его лица мелькало нечто мальчишеское – словно он всегда был готов удивляться новому. Самсонову толковый и исполнительный Коровин был симпатичен, и он был рад, что они работают вместе.

– Ага! – широко улыбнулся Башметов. – Самый что ни на есть натуральный банкет. С фуагррой и этими, как их... канapé! Как в лучших домах, короче.

Опера и следаки начали расходиться. Было уже поздно, солнце висело над крышами домов огненным шаром. Из-под ног вспорхнули тяжелые сытые голуби и перелетели поближе к помойным бакам. Какой-то бомж не торопясь рылся в мусоре, высоко поднимая целлофановые мешки и придиричиво рассматривая их содержимое.

Самсонов вышел вместе с Дреминым.

– Ну что, Валер, – проговорил тот, – завтра будешь на празднике жизни?

– Конечно. Куда ж я денусь?

– С подводной лодки?

– Ага.

– Ладно, давай.

Обменявшись рукопожатиями, они расстались. Дремин сел в белый «Фольксваген», а Самсонов – в свой старенький «Шевроле». Покрутил ручку радио, пытаясь найти подходящую волну. Когда послышалась песня «Guns'n'Roses» – «Knocking on heaven's door», следователь включил зажигание и вырулил со стоянки служебных автомобилей. Влившись в поток, он поехал в церковь – поставить свечку за Марину, свою сестру, много лет назад убитую сумасшедшим, который похитил ее и перемолол промышленным утилизатором на заброшенном заводе. Оказалось, что для этого ему пришлось специально реанимировать старый станок и заново подвести к нему электричество. Подготовка заняла не меньше недели. Самсонов был убежден, что, если бы его не поймали, он продолжал бы убивать –

жестоко и методично. Преступника звали Виктор Хоботов, его прикончили сокамерники в первый же год заключения – не захотели сидеть вместе с убийцей детей. Самсонов жалел лишь о том, что сам в то время был слишком мал и не мог лично схватить преступника. Но в полицию он все равно пошел – чтобы бороться со злом, как бы пафосно это ни звучало. Он никогда никому не говорил о своих мотивах, но всегда знал, что именно желание защитить людей от жестокости таких, как Хоботов, привело его в полицию. Марина была его путеводной звездой, она не позволяла ему схалтурить, пустить что-то на самотек. Самсонов поражал сослуживцев своим рвением, стремлением довести любое расследование до конца. То, что, как правило, ему это удавалось, вызывало уважение. Опера подчинялись ему практически беспрекословно, потому что знали: если он требует, значит, так надо. А раз надо, все равно сделать придется – иначе Самсонов не отстанет.

И вот теперь ему казалось, что он совершил ошибку, перейдя в «серийный» отдел. За все время им довелось раскрыть лишь одно дело, да и оно не заняло много времени и особых усилий не потребовало: какой-то наркоман возомнил себя оборотнем и подкарауливал в парке женщин, возвращавшихся вечером с работы. Он успел убить троих, перегрызая им горло, пока собственный отец не застучал его дома с окровавленным лицом и не позвонил в полицию. Так что гордиться «серийному» отделу пока было особенно нечем.

Самсонов припарковался возле районной библиотеки и вылез из машины, щурясь от солнца. Достал из нагрудного кармана и надел очки-авиаторы с бледно-голубыми стеклами – подарок Карины.

Церковь была новой, построенной лет десять назад. Она располагалась в саду между двумя шоссе. Чтобы в нее попасть, нужно было пройти через чугунный мостик, на котором стояли дети, кормившие уток. Самсонов на несколько минут задержался, постоял, облокотившись о перила и глядя на воду. Солнце еще не село, хотя едва виднелось над крышами домов. На волнах искрились желтые зайчики.

Полицейский взглянул на часы и пошел в церковь. Она еще была открыта, но времени оставалось немного – как раз чтобы поставить свечку и заказать заупокойную. Самсонов размашисто перекрестился перед папертью и вошел в прохладу храма. Тот был небольшой, но уютный. На белых оштукатуренных стенах чинно висели иконы в багетных позолоченных рамах. Перед ними трепетали огоньки свечей и лампад. Пахло воском и ладаном, в дальнем углу перед распятием истово молилась, кладя земные поклоны, закутанная в темно-серое старуха.

Следователь всегда ходил в этот храм с тех пор, как его построили, хотя раньше предпочитал Чесменскую церковь. Ту он помнил с детства – еще когда в ней был музей и родители водили его посмотреть на макеты кораблей и картины, изображавшие знаменитую морскую баталию.

Самсонов снял очки, купил две свечки и поставил одну перед Богородицей Заступницей, а другую – перед Христом. Помолился о Марине и заказал заупокойную.

Из церкви он вышел всего за несколько минут до закрытия. Настроение было паршивым – как всегда в этот день. Сев в машину, Самсонов позвонил родителям – он поступал так каждую годовщину. Они никогда не говорили о Марине, даже не упоминали о ней. Говорили о других, самых обычных вещах, но знали, что делают это в память о ней – как бы собираются вместе, всей семьей. Раньше Самсонов приезжал к родителям домой, но это было слишком тяжело – разговор по телефону был куда лучше.

Через десять минут следователь попрощался с отцом, передал привет матери, завел мотор и поехал домой. По радио звучала песня Бутусова «Титаник», и Самсонов начал невольно постукивать в такт пальцами по рулю. Наверное, даже хорошо, что завтра он поедет на дачу к Башметову. Можно будет отвлечься, любясь на его дочку, полную надежд на будущее. Он видел ее уже дважды, когда начальник приглашал своих сотрудников на юби-

лей и на новоселье, – Петрович любил собирать компанию из тех, с кем работал, он считал, что это способствует укреплению рабочих отношений. Вероника была веселой и общительной девчушкой с толстой рыжей косой и голубыми глазами. Она почти все время улыбалась и старалась держаться поближе к отцу. Впрочем, за три прошедших с последней встречи года она, конечно, подросла и повзрослела.

Самсонов свернул на аллею и сбросил скорость. Он уже подъезжал к дому, стоявшему в окружении разросшихся кленов. Он решил, что ляжет спать пораньше – чтобы не предаваться грустным мыслям о сестре, которая не дожила даже до окончания школы.

Вторник, 13 июня

На следующее утро Самсонов встал еще до семи, умылся, тщательно побрился и sprыснул туалетной водой с резким, но приятным ароматом – Карининым подарком. Он вообще заметил, что в его жизни появлялось все больше вещей, связанных с ней. И конечно, напоминавших о ней. Наверное, скоро он предложит ей переехать к нему – ведь, кажется, таким должен быть следующий шаг в развитии серьезных отношений. А у них с Кариной все было серьезно. Так чувствовал Самсонов, и это его радовало.

Перед тем как отправиться на кухню готовить завтрак, он взгляделся в запотевшее с нижнего края зеркало. На него смотрело обычное лицо с тяжелой челюстью, твердой линией рта и серыми глазами под двумя прямыми чертами светлых бровей. И что Карина нашла в нем? Этого Самсонов за четыре месяца, которые прошли с начала их отношений, так и не понял.

Полицейский поджарил яичницу с ветчиной и помидорами, налил себе черный кофе и уселся перед окном. За деревьями серел привычный пейзаж: пыльный город, типовые домики со слепыми окнами, стаи птиц.

Самсонов старался не думать о том, что видел во сне. Он гнал образы, но они упорно всплывали из памяти, навязчивые и липкие, как паутина.

Он видел кошмары, связанные с гибелью сестры, и раньше, но потом они прекратились, а теперь, похоже, вернулись.

Самсонову снилось, что он находится в темном помещении, где пахнет плесенью и кровью. Наверху – крошечные окошки, забранные решеткой. Стекла в них выбиты, и на прутьях развеваются клочья серой пыли. Какая-то птица размеренно стучит клювом по железной крыше.

Впереди, в освещенном круге, стоит ржавый, похожий на железный куб утилизатор. Из него торчит что-то бледное, угловатое. Самсонов всматривается в эти странные предметы, но они расплываются, словно глаза отказываются признавать реальность. Неведомая сила заставляет Самсонова сделать несколько шагов вперед, и он понимает, что утилизатор покрывает не только ржавчина. Он выпачкан запекшейся кровью, и у его подножия темнеют багровые лужи.

Самсонов наступает на что-то мягкое и влажное. Он наклоняется, чтобы рассмотреть бесформенный бурый кусок, немного похожий на губку. Пытается его поднять, но он выскальзывает: пальцы никак не могут ухватить это омерзительное нечто. Самсонову кажется, что это гигантский слизняк, но вдруг он понимает: на полу лежит кусок печени. Самсонов резко выпрямляется, отдергивая руку. Пальцы перемазаны кровью, и он поспешно вытирает их об одежду.

Самсонов идет дальше, внимательно глядя под ноги, чтобы не наступить еще на что-нибудь. Аккуратно обходит серо-синие ошметки, смахивающие на разорванный кишечник, и замечает слева нечто белое. Пахнет фекалиями, и Самсонову приходится сдерживать дыхание, но вонь все равно проникает в легкие, вызывая приступ тошноты.

Белый предмет приковал его внимание, и Самсонов не может удержаться от того, чтобы не подойти ближе. Он садится на корточки и берет двумя пальцами мягкий шарик, который больше не кажется таким уж белым: он испещрен красными прожилками, свисающими с него, подобно вялым мокрым ниткам, а в центре можно различить черно-голубой круг. Самсонов понимает, что держит в руке человеческий глаз, и его тут же выворачивает на покрытый кровью пол. Желудок содрогается, исторгая жижу, резкая и кислая вонь которой добавляется к той, что уже пропитала все вокруг.

Самсонов поднимается на ноги, вытирает рот рукавом и замечает, как из-за железного куба появляется черный силуэт. Он надвигается на Самсонова, и вот уже можно различить в неверном желтом свете четыре руки и горящие на лице глаза – кровожадные и жестокие. Кали раздвигает алые губы в жуткой ухмылке, и становятся видны белые клыки. Богиня ничего не говорит, но Самсонов слышит в голове ее голос. Она требует, чтобы он принес жертву!

Между зубов у Кали струится кровь, толстый шершавый язык проводит по чувственным губам. Она протягивает руку и выдергивает из утилизатора один из бледных предметов – почему-то не перемолотый обрубок ноги, часть голени со ступней. На пальцах виден облупившийся розовый лак. Богиня раскрывает рот и вонзает в белую плоть зубы. Кожа лопается с треском разрываемой ткани, кровь брызжет во все стороны. Ее нереально много, она обдаёт Самсонова с ног до головы, и он с содроганием падает на колени.

Он обессилен этим жутким зрелищем. Кали отрывает кусок икры и с чавканьем жуёт. Она напоминает крокодила, явившегося за падалью. Богиня смотрит на Самсонова и вдруг начинает хохотать. Из пасти у нее брызжет кровавая слюна, летят куски плоти и осколки костей.

Самсонов резко вскочил, едва не опрокинув тарелку. Образы ночного кошмара отступили, но руки дрожали, и во рту пересохло.

Самсонов с отвращением взглянул на остатки завтрака и отправил тарелку в раковину. Затем быстро оделся, излишне тщательно проверил «макаров» и отправился на службу, насвистывая мелодию «Californication» – в основном чтобы поднять себе настроение.

Первая половина дня прошла относительно спокойно. Следователь просматривал материалы по делам, которыми занимались разные «убойные отделы» – на предмет совпадений, но ничего обнадеживающего не проклевывалось.

Около часа Самсонов отправился обедать в ближайшее кафе. Мобильник зазвонил, когда он допивал чай с лимоном.

– Да? – спросил он, увидев, что на экране высветилось «Дремин».

– Валер, ты где?

– Обедаю.

– Тебя Башметов ищет. – Голос у следака был странный. – Срочно!

Самсонов замер: неужели новое дело?! Наконец-то!

– Что случилось? – Он резко встал, оставив кружку, и полез за бумажником, чтобы расплатиться.

– Тебе лучше поторопиться.

– Все так серьезно?

– Уж поверь! – проговорил Дремин совсем глухо.

Что-то в его голосе заставило Самсонова насторожиться.

– Ладно, – сказал он, – скоро буду, я тут недалеко.

Отсоединившись, Самсонов оплатил счет и вышел на улицу. Слова и тон Дремина вызвали дурные предчувствия, хотя было совершенно непонятно, что могло такого случиться в его отсутствие. Несмотря на жару, Самсонов почувствовал, как по спине пробежали мурашки.

Взглянув на небо, он с удивлением обнаружил набегающие с востока темно-серые тучи. Было душно – как перед сильной грозой.

Сунув руки в карманы ветровки, полицейский торопливо направился к управе.

Там его встретил Дремин.

– Похоже, завтрашнее торжество отменяется! – бросил следак, едва увидел Самсонова.

– Да что случилось-то?!

Дремин замаялся, что было на него не похоже.

– Может, лучше спросишь у Башметова?

Самсонов открыл было рот, чтобы высказать все, что думает о Дремине и вообще обо всех, кто изъясняется экивоками, но в этот момент открылась дверь кабинета Башметова, и в коридор выглянул начальник. Лицо у него было озабоченное, при виде следаков он нахмурился.

– Услышал твой голос, – сказал он Самсонову. – Почему тут болтаешься до сих пор? Я тебя жду, между прочим.

– Уже иду, Павел Петрович. Кое-кто тут шифруется. – Следователь кивнул в сторону Дремину. – Не хочет толком объяснить, что случилось. – Он вопросительно воззрился на начальника.

Башметов смущенно кашлянул:

– Я тебе объясню. Зайдите оба.

Самсонов и Дремин вошли в кабинет и устроились на стульях перед столом Башметова. Начальник опустил в вертящееся кресло и сложил руки перед собой. Обежал взглядом репродукции Эшера, развешанные по стенам. Самсонов внезапно понял, что вид у него растерянный, и это было поразительнее всего. Сколько он знал Башметова – а он служил под его началом еще до перевода в «серийный» отдел, – тот всегда знал, что делать.

– Дело такое, – медленно проговорил Башметов. – Меньше часа назад мне сообщили, что на старом заводе обнаружен труп. – Он взглянул на Самсонова. – Перемолот утилизатором. Я подумал, что ты, Валера, захочешь возглавить расследование, но решение оставляю за тобой. Если откажешься – пойму.

Несколько секунд Самсонов переваривал услышанное. Он сидел, уставившись в широкое озабоченное лицо Башметова, пока наконец не выдавил:

– Чей... труп?

Башметов кашлянул.

– Пока что трудно определить. Сам понимаешь. – Дальше он заговорил очень быстро: – Я выслал опергруппу, в том числе Морозова и Коровина. Криминалисты скоро возьмутся за дело и все скажут, но на данный момент ясно одно: результаты... прошлого расследования придется пересмотреть. Либо это совпадение, либо подражатель, но...

– Подождите, Павел Петрович! – перебил его Самсонов, приходя в себя. – Вы имеете в виду... дело Хоботова?

Башметов нехотя кивнул.

– Я понимаю, тебе неприятно это слышать. И вообще вся эта... ситуация... – Он сделал неопределенный жест рукой. – Короче, ты хочешь сам заняться этим делом?

– Конечно! – уверенно ответил Самсонов.

Разве могло быть иначе? Он похоронил желание свести счеты, потому что преступник, убивший его сестру, был, как он считал, мертв, но, если произошла ошибка... страшная ошибка! – он должен быть в первых рядах, должен схватить своего врага за руку!

Башметов посмотрел на Самсонова в упор и медленно кивнул.

– Так я и думал. Только не надо распространяться о том, что ты связан с этим делом. Ну, ты понимаешь, о чем я.

Самсонов понимал.

– Да, – сказал он. – Не беспокойтесь.

– Тогда сразу к делу. – Начальник принял серьезный вид. – Вот адрес, это в двадцати минутах езды. Отправляйтесь оба, потом доложите. – Он протянул Самсонову листок с названием улицы и номером строения. – Это завод по переработке целлюлозы, – добавил Башметов. – Вернее, был. Уже год, как не работает: предприятие обанкротилось и выставило территорию на продажу вместе со всем, что на ней есть. Вот только желающих ее приобрести пока не нашлось.

Самсонов встал, Дремин тоже.

– Спасибо, Павел Петрович, – проговорил Самсонов. Он отлично понимал, что начальник мог вообще не допустить его до расследования. Башметов же назначил его главным. – Это... действительно очень важно для меня!

Башметов махнул рукой:

– Я понимаю. Только держи себя в руках, договорились?

Полицейский кивнул:

– Ну, все, идите.

Самсонов и Дремин заговорили только на улице.

– Слушай, я понимаю, что ты чувствуешь, – сказал следак, останавливаясь возле крыльца. – В смысле – могу себе представить. Наверное.

– Спасибо, – сдержанно кивнул Самсонов.

Ему не хотелось об этом говорить: еще неизвестно, может, этот случай просто похож на тот, который имел место много лет назад. Преступник, убивший Марину, был пойман и умер – дело закрыто. Против Хоботова нашлись неопровержимые улики – Самсонов тщательно изучил материалы, когда начал работать в полиции. Никаких сомнений в его виновности не возникало.

– Просто имей в виду, что лично я сделаю все, что понадобится, – сказал Дремин. – Можешь на меня полностью положиться.

Самсонов молча пожал ему руку.

– Возможно, это просто совпадение, – проговорил он. – Скоро все выяснится.

Верил ли он сам в это? Скорее, хотел верить.

Они с Дреминым сели в машины и поехали в восточную часть города. Миновав площадь Победы, вырулили на Костюшко и через десять минут остановились перед железными воротами, где уже выстроились автомобили членов опергруппы и криминалистов. Навстречу им вышел Морозов, на ходу прикуривая от зажигалки «Зиппо».

– О, здорово! – кивнул он. – Полтавин уже приступил, просил никому не входить. Ну и зрелище там, я вам скажу. – Опер покачал головой и выпустил струю дыма.

У Морозова было костистое лицо с шапкой рыжеватых волос, голубые глаза, которые он имел привычку часто шурить, даже если не было солнца, и мелкие веснушки, заметные, только если присмотреться. На его желтой куртке была куча карманов, всегда набитых под завязку. Казалось, у Морозова с собой было все, что могло понадобиться в любой ситуации. Коллеги шутили, что в случае конца света он непременно выживет. Опер на это только ухмылялся.

– Уже что-нибудь известно? – спросил Самсонов. Он вполне мог представить, что именно творится на месте преступления. Ошметки плоти, куски органов, осколки костей. Убийца наверняка, как и в прошлый раз, не закрыл утилизатор до конца – ему словно нравилось стоять в кровавом дожде.

Морозов почесал веснушчатый нос.

– Нет, – сказал он. – Ничегошеньки.

– Даже пол погибшего?

Морозов невесело усмехнулся:

– Шутишь?! Там кровавое месиво.

Было заметно, что у него нет никакого желания ни вспоминать то, что видел, ни говорить об этом.

– Завод уже год как не работает, насколько я знаю, – сказал Самсонов. Его не волновали эмоции коллег, он считал, что каждый должен делать ту работу, за которую взялся, и не канючить.

– Ага. – Морозов кивнул. – Убийца привез с собой аккумулятор и подключил его к утилизатору. Замок на воротах цеха взломан – просто сбит молотком и фомкой.

– Тут поблизости нет работающих предприятий?

Морозов отрицательно покачал головой:

– Завод здоровый, метров двести в длину. А вокруг – склады, там только сторожа сидят ночью.

Самсонов невольно представил, как убийца привозит жертву туда, где ее ждет смерть, – в заброшенное, темное помещение, пропахшее плесенью и крысами. То же самое было и тогда, много лет назад... Он усилием воли отогнал от себя мысли о Марине и быстро спросил:

– А убийство было совершено ночью?

Морозов кивнул:

– Полтавин сказал, что не раньше десяти вечера и не позже двух ночи.

– Кто обнаружил тело?

– Не знаю. В смысле – это был анонимный звонок. Из таксофона на углу Звездной и Ленсовета.

– Они еще остались? – удивился Самсонов. – Я думал, давно все снимали.

– Я тоже удивился, но кое-где еще стоят.

– А кто звонил хоть: мужчина или женщина?

– Мужчина.

– Что он сказал? Конкретно.

Морозов достал из одного из бесчисленных карманов маленькую блестящую пепельницу и затушил в ней окурок: привычка, которую он завел, чтобы не мусорить на месте преступления. Самсонов ее одобрял.

– Надо запись прослушать, – сказал опер. – Я дословно не помню. Кажется, просто сообщил, что по такому-то адресу находится труп. Говорил он секунд двадцать, потом повесил трубку.

– Там есть поблизости камеры видеонаблюдения?

Морозов с сожалением цокнул языком:

– Нет. Мы это сразу проверили.

– Ворота были заперты, когда вы приехали?

– Да. Цепь и замок.

– Старый или новый?

– Новый. Цепь тоже. Я думаю, убийца привез их с собой и заменил ими те, что были раньше.

Самсонов нахмурился:

– Зачем?

– Скорее всего, он срезал цепь кусачками.

– Здоровенные же кусачки для этого нужны, – заметил Самсонов.

Морозов пожал плечами:

– Но такие есть.

– Знаю. А следы?

Морозов махнул рукой:

– Полно! И обуви, и шин. Ребята Полтавина ползают сейчас по земле, собирая все, что могут обнаружить. Похоже, убийца даже не пытался их уничтожить.

– Странно, – заметил Дремин.

Опер кивнул:

– И не говори. Может, он хочет, чтобы мы на него вышли?

Дремин усмехнулся:

– Ты сам-то в это веришь?

Морозов покачал рыжей головой:

– Не особенно. Отдает кинематографом.

Самсонов кивнул:

– Вот именно. С другой стороны, почему-то убийца не опасается, что следы выведут нас на него. Почему?

Морозов пожал плечами:

– Наверное, считает, что таких шин полным-полно.

– И он прав, – проговорил Дремин. – Чья это территория? – добавил он, оглядевшись. – Кто владелец? Ему сообщили?

– Да. Некий Эдуард Семенович Збруев. Он купил территорию завода, когда тот обанкротился, чтобы перепродать, но покупателей пока не нашел. Он едет сюда.

– Ясно. Это хорошо. – Самсонов бросил взгляд на забор. – Я так понимаю, тут охраны нет?

– Нет. Все заброшено, брать нечего. Да никого и не волнует, даже если кто что и сопрет. Продается-то земля, а не барахло.

– Ну, если здесь остались станки, их можно как минимум сдать в металлолом.

– Наверное, это никого не заинтересовало. Впрочем, может, кто и подворовывал потихоньку. Но это едва ли имеет отношение к делу.

– Думаешь? А сторожей с соседних складов допросили?

– Пока нет. Мы ж приехали незадолго до вас.

– Ладно, ими я займусь сам.

– Можем вместе сходить, – предложил Морозов. – Полтавин все равно всех выгнал. В цеху сейчас только он и его архаровцы.

Самсонов с досадой посмотрел на небо, откуда начал падать мелкий противный дождь.

– Как погода-то изменилась, – пробормотал он.

– Могу дать зонтик, – предложил Морозов. – У меня есть.

Самсонов почти испуганно взглянул на его желтую куртку: в какой карман мог уместиться зонт?!

– Где? – спросил он машинально.

– В машине.

– Валер, я вам нужен? – встрял Дремин. – Или я лучше пойду туда? – Он указал на ворота. – Коровин там еще?

Морозов кивнул.

– В здании слева, – сказал он.

– Зачем он тебе? – поинтересовался Самсонов.

– Я прихватил материалы по... тому делу, – ответил Дремин, глядя в сторону. – Хочу сравнить, есть ли совпадения. Расхождения тоже, конечно.

– Какому делу? – быстро спросил Самсонов, хотя все и так было ясно.

– Хоботова, – нехотя ответил следак.

– Оно у тебя с собой?

– Да, в машине.

Первым желанием Самсонова было потребовать папку и самому заняться сличением, но он взял себя в руки.

– Хорошо, – кивнул он. – Давай. А ты, – добавил он, обращаясь к Морозову, – тащи свой зонтик. Пойдем опрашивать сторожей.

Было заметно, что Морозов и Дремин испытали облегчение. Через пять минут следак отправился с папкой под мышкой искать Коровина, а Самсонов с Морозовым пошли к одному из трех примыкавших к территории завода складов.

– Когда у тебя отпуск в этом году? – спросил вдруг Морозов.

Зонт, который он принес, был невообразимой расцветки и на фоне серого пейзажа выглядел настоящим взрывом на лакокрасочной фабрике.

– В августе, а что? – ответил Самсонов.

– Да нет, ничего. С Кариной куда-нибудь собираетесь?

Самсонов вздохнул:

– Еще это не обсуждали.

– Как у тебя с ней вообще? Все нормально?

– Вроде да.

Самсонов отвечал рассеянно: он думал об убийстве, и вопросы Морозова казались ему пустыми.

– Она, по-моему, хорошая деваха, ты ее не отпускай, – проговорил опер.

Самсонов удивленно воззрился на него и притормозил:

– С чего вдруг такая забота о моей личной жизни?

Морозов смущенно пожал плечами. Голубые глаза виновато забежали.

– Да так. Не обращай внимания. Просто я рад, что у тебя все хорошо.

– Типа есть кому поддержать? – прищурился Самсонов. Кажется, он начал понимать, к чему клонит опер.

– Да нет! – запротестовал Морозов с преувеличенным энтузиазмом. Зонтик заходил у него в руках ходуном. – При чем тут это?!

– Ладно, не бери в голову. – Следователь указал на ворота, возле которых возвышалась будка охранника. – Нам сюда?

– Ага. Сторожа зовут Роман Петрович Сытников. Мы сразу записали фамилии всех троих, пока не сменились.

– Могли бы и опросить.

Рыжие брови взметнулись сантиметра на два.

– Впопыхах? Это не дело, сам знаешь. Свидетель сразу чувствует, что ты торопишься, и выдает сведения по минимуму: мол, все равно это никому не интересно.

Самсонов кивнул. Морозов, слывший педантом, был, конечно, прав. Опрашивать очевидцев нужно обстоятельно, обращая внимание на детали и оговорки, – мало ли что потом окажется важным.

Они постучали в ворота. Через десять секунд из будки высунулся мужчина в мятом спортивном костюме. На вид ему было лет сорок, а то и больше. Из-под шапки торчали ключьями седые волосы, под глазами набрякли темные мешки.

– Полиция! – рявкнул Морозов. – Открывай!

Сторож спустился вниз и отодвинул засов на калитке.

– Старший лейтенант Самсонов, – представился следователь. – Лейтенант Морозов. Вы уже знаете, что на соседнем заводе обнаружен труп?

– Ага, – кивнул сторож, переводя взгляд с одного полицейского на другого. Голос у него был хриплый, словно простуженный. – Мне сказали. Просили никуда не уходить, хотя мне тут куковать до девяти вечера. Надеюсь, потом-то уйти можно будет? – Он широко зевнул, не удосужившись прикрыть рот рукой.

– Конечно, – сказал Самсонов. – Мы только зададим вам несколько вопросов.

– А-а. Ну, давайте. – Сторож пожал плечами и сунул руки в карманы. Кожа у него на лице была грубая и обветренная, словно он не работал сторожем, а служил на корабле.

– Вы видели, как кто-нибудь въезжает на территорию завода? – спросил Самсонов.

– Не-а. Далеко, да и не смотрю я туда никогда. Зачем? Мне и тута хватает делов. Есть за чем приглядеть. А за то, чтобы я смотрел туды, мне денег не плотют.

– Когда вы заступили на дежурство?

– А?

– Когда на работу вышли, говорю.

Сторож шмыгнул носом. Поежился, недовольно взглянув на серое небо. Ему явно хотелось побыстрее вернуться в будку.

– Вчера.

– Во сколько?

– В восемь.

– Спали?

– Нет. Не положено, – хмуро добавил сторож.

– Что, даже не вздремнули?

– Говорю же, нет.

– Ладно, допустим. Видели подъезжающие к заводу машины?

– Никто туда не ездит, он закрыт.

– Знаю. Так не видели?

Сторож сплюнул сквозь крупные желтые зубы:

– Не-а. Не видал.

– Может, слышали хотя бы звук мотора или еще что-нибудь?

Сторож приподнял бейсболку, потер лоб ладонью и с досадой взглянул на полицейских.

– Ничего такого, – сказал он. – У меня магнитофон работал, я всегда включаю, чтобы не скучно было.

Было ясно, что этот разговор не даст ничего: мужик либо проспал, либо бухал. А может, совмещал одно с другим. В любом случае ему нечего было сказать по поводу того, что происходило по соседству.

– Занятный у вас зонтик, – вдруг насмешливо заметил сторож и шмыгнул носом.

Следующий, кого опрашивал Самсонов, был тощий блондин в зеленом комбинезоне и толстом сером свитере, который не стирался, наверное, лет пять. Звали его Жмыхов Георгий Анатольевич, и было ему сорок четыре года, двенадцать из которых он проработал сторожем склада сыпучих смесей, примыкавшего к заводу с северной стороны. Он заявил, что на работу заступил в десять вечера, вскоре услышал тихое гудение, но откуда оно доносилось, сказать не мог. Около трех сторож заснул, о чем сообщил, ничуть не стесняясь.

– Разве вам можно? – притворно удивился Самсонов, памятуя о предыдущем разговоре.

– А чего нет-то? – не понял сторож.

– Ну, вы же должны следить за всем.

– У нас тут везде сигнализация, – сказал сторож. – Чего себя мучить?

Самсонов понимающе кивнул.

– А машины вы видели? – спросил он. – Хоть какие-нибудь?

– Чтобы к воротам завода подъезжали? – уточнил Жмыхов. – Нет, но если фар не зажигать, то ночью и не разглядишь ничего.

Последний, к кому отправились Самсонов и Морозов, был кругленький узбек в засаленной телогрейке и потертых джинсах. Звали его Мурсанбек, и он с ходу торопливо объяснил, что с регистрацией у него все в порядке, и тут же предъявил, не дожидаясь просьб об этом, целую кипу документов, сверху которой водрузил паспорт. Говорил он с легким акцентом. В России жил уже шесть лет.

– Когда вы заступили на свою смену? – задал вопрос Самсонов, когда Мурсанбек убедился, что по крайней мере прямо сейчас из страны его высылать не собираются.

– В одиннадцать часов, – с готовностью ответил сторож.

– Видели кого-нибудь на территории завода?

– Машина была.

- Какая?
- Марку не знаю, но большая.
- Грузовик?
- Нет, фургончик. Как «Газель».
- Но не «Газель»?
- Может, и она. Отсюда трудно было разглядеть.
- Фары зажигались?
- Нет.
- Как же вы ее увидели?
- Сначала услышал.

Самсонов прикинул расстояние: пост Мурсанбека действительно был ближе к цеху, чем будки других сторожей.

- Так, – проговорил следователь, – и что было дальше?
- Вышел посмотреть. Завод-то закрыт. Вот я и подумал: кто туда приехал, да еще и ночью?
- И что вы увидели? Только подробно.

Мурсанбек взъерошил черные волосы и причмокнул губами, словно пытаюсь избавиться от застрявшего между зубами мяса.

– Да ничего особенного. Машина стояла задом к цеху, видна была только кабина. Я постоял минуты две и ушел.

- И никого не видели?
- Нет. А там действительно кого-то убили?
- Да. Почему вы не вызвали полицию?

Мурсанбек всплеснул руками:

– А зачем? Брать там нечего. Все ценное вывезли давным-давно. Ну забрался кто-то, может, металлолом искал. Что он увез бы в своем фургончике? Станок? Он бы его не поднял даже.

- Вдвоем поднять можно, – заметил Морозов.
- Вдвоем можно передвинуть, – поправил сторож. – А поднять на высоту кузова – нет. Я знаю, я восемнадцать лет работал на заводе слесарем.

Опер не стал спорить.

- Вы не видели, как машина покидала территорию завода? – спросил Самсонов.
- Нет.

– Может, слышали?

– Наверное, да. Шум мотора доносился, но я не уверен, что это был именно этот фургон. Из будки я не выходил.

- В котором часу это было, не запомнили?
- Точно нет. Но не позже часа.
- Откуда такая уверенность?

Мурсанбек широко улыбнулся, продемонстрировав два стальных зуба.

– Почти сразу после этого по радио началась передача для тех, кто не спит. Она идет с часу до трех. Я расписание наизусть знаю, – добавил он не без гордости.

- Вы слышали гудение со стороны цеха?
- Да.

– Как вы думаете, что это было?

- Понятия не имею. Может, какой-то генератор. Звук вроде похож.
- Больше ничего полезного сказать не можете?

Узбек пожал плечами:

- Вроде нет.

Когда Самсонов и Морозов вернулись на заброшенный завод, то первым делом нашли в цехе Полтавина. Патологоанатом возглавлял группу криминалистов. Он вышел к полицейским, на ходу протирая очки в массивной черной оправе. В каждом ухе у него было по тоннелю, над белоснежным воротничком рубашки виднелся край татуировки – голова журавля с красным хохолком.

– Что скажешь? – задал Самсонов первый вопрос, обменявшись с ним рукопожатием.

Полтавин водрузил очки на мясистый нос, помигал глазами и ответил, слегка растягивая слова:

– Пока ничего. Там работы на несколько часов. Сплошная кровавая каша. Убийца оставил утилизатор приоткрытым, так что пол и стены словно покрыты фаршем.

– А... вокруг?

– Следы сняли, будем определять марку машины и фирму, изготовившую шины. Мне рисунок незнаком. А все, что мы подобрали, я отдал Дремину, он вон там. – Патологоанатом указал на одноэтажное здание справа от ворот.

– Что вы подобрали? – не двинувшись с места, спросил Самсонов. Он был уверен, что знает ответ.

– Обрезки проводов, изоляции и заламинированный рисунок. Отпечатки мы проверили, анализ поверхностей сделали, так что пользуйтесь.

– Рисунок чего? – проговорил Самсонов, уже догадываясь, каким будет ответ.

Полтавин поморщился, машинально отряхиваясь, хотя на прозрачном пластиковом комбинезоне, надетом поверх костюма-тройки, не было ни пылинки. Как криминалист умудрился не испачкаться, облазав на заводе все вдоль и поперек, было загадкой.

– Не знаю, – сказал Полтавин. – Какой-то четырехрукой тетки. Андрюха говорит, она похожа на индийскую богиню. Я в этом не разбираюсь.

– Значит, у Дремина, – пробормотал Самсонов, глядя на здание у ворот. Ему одновременно хотелось и зайти внутрь, чтобы поскорее увидеть рисунок, и бежать куда подальше, не оглядываясь. Он с трудом перевел дыхание.

– Ага, – кивнул Полтавин. – Отпечатков нет, зато на изоляции имеются следы машинного масла. Я думаю, оно попало с генератора, который преступник устанавливал внутри цеха, чтобы запустить утилизатор.

Криминалист стянул перчатки, расстегнул комбинезон и извлек из внутреннего кармана пиджака аккуратно завернутый в целлофан ржаной хлебец, похожий на здоровенную таблетку.

– Извините, парни, – сказал Полтавин, вгрызаясь в него. – Я должен регулярно есть. Приходится таскать эти штуки с собой, – добавил он извиняющимся тоном.

Все знали, что Полтавин постоянно испытывает на себе какие-то диеты, так что Самсонов не удивился.

– Продолжайте, я еще загляну, – кивнул он. – Пойдем посмотрим, чем занят Дремин. Он обещал сравнить улики.

Оставив Полтавина у входа в цех, следователь и опер направились к зданию, в котором обосновался Дремин.

– Чертов дождь! – сказал Морозов, складывая зонт перед входом. – С чего вообще начался? Хорошая ж погода была.

– А зачем ты зонт таскаешь, кстати? – спросил Самсонов.

– Я не таскаю. – Опер резко стряхнул с зонта воду. – Просто он валяется в багажнике на всякий случай. На такой вот как раз.

– Ладно, пошли, – хлопнул его по спине Самсонов.

Дверь была распахнута и висела на ржавых петлях, слегка поскрипывая. Внутри царил полный бардак: сразу бросалось в глаза, что здание долго пустовало. Окна были забиты

досками, и часть из них пришлось высадить, чтобы в комнаты проникал свет. Электричества не было. Пахло сырой землей, плесенью, пылью и кошачьими экскрементами.

Дремин и несколько оперов расположились на первом этаже, где организовали нечто вроде мини-штаба. На столе лежали прозрачные пакеты с уликами. Самсонов сразу нашел глазами тот, в котором находилось изображение четырехрукой богини.

– Такой же, – сказал, глядя на следователя, Дремин. – Кали.

Самсонов поднес рисунок к окну, чтобы рассмотреть получше. На этот раз листок был заламинирован и поэтому слегка бликовал, но все детали были отлично видны.

– Нет, – сказал через полминуты Самсонов. – Не такой же. Это копия. Сделанная от руки. Убийца срисовал с древнеиндийской гравюры, довольно известной.

– Хочешь сказать, он намалевал ее сам? – уточнил Дремин. – Я думал, вырезал иллюстрацию или сделал цветной ксерокс.

– Так кажется из-за пленки, – отозвался Самсонов. – Но на самом деле этот парень нарисовал Кали так же, как и в первый раз. Поэтому есть незначительные отличия. Я много лет всматривался в его первый рисунок и знаю его досконально. Так что можешь мне поверить.

– Куда ж деваться! – буркнул Дремин.

– Заламинировано профессионально, – заметил подошедший к окну Морозов. – И это большая ошибка нашего поклонника Индии.

– Да, для этого ему пришлось обратиться в фирму, – кивнул Самсонов.

– Интересно, сколько таких он заказал, – проговорил сидевший в углу Коровин. Как обычно небритый, он наливал из термоса в одноразовые стаканчики горячий кофе.

– Уверен, что один, – сказал Самсонов. – С первого убийства прошло лет десять, если не больше. – Ему не хотелось считать точно, хотя рано или поздно сделать это придется. – Этот парень не торопится, за количеством не гонится.

– Полтавин сказал, крови слишком мало, – заметил Дремин. – Так же, как... тогда.

Повисла напряженная пауза, все вдруг словно перестали разом дышать. Самсонов понял, что должен высказаться.

– Слушайте. – Он старался говорить сдержанно. – Не надо... шадить мои чувства. Я сам захотел вести это дело, так что я готов к тому, что мне придется столкнуться с призраками прошлого. Называйте вещи своими именами. Да, моя сестра умерла, Хоботов был арестован и погиб в тюрьме. До сих пор я был уверен, что справедливость хоть в какой-то мере восторжествовала, но это новое убийство... Я не знаю, может, это просто подражатель. Хотя, если честно, я в это не верю. А вы? – Он обвел требовательным взглядом коллег.

– Нет, – первым сказал Морозов. В его голосе прозвучало облегчение – видимо, монолог Самсонова разрядил обстановку. По крайней мере присутствующим стала ясна его позиция.

– Я тоже, – кивнул Дремин.

– Ошибки случаются, – изрек, раздавая присутствующим стаканчики с кофе, Коровин. Приземистый и широкоплечий, он походил в этом полутемном заброшенном помещении на горного тролля. – Это не редкость.

– Думаю, нам следует поднять дело Хоботова, проверить собранные против него улики, причем критично. Если будут сомнения, то станем исходить из предположения, что его осудили ошибочно, а убийца на свободе и принялся за старое. Но пока что мы не говорим о серии. По крайней мере официально. Это ясно?

Опера и следаки закивали. Говори не говори, но дело ведет их отдел, а это уже кое-что значит.

Самсонов машинально провел ладонью по ежику русских волос, отхлебнул кофе и посмотрел на раскрытую папку, лежавшую на столе.

– Пока все совпадает? – спросил он Дремина.

– Кроме ламината.

– Ну, в то время такой услуги практически не существовало, – кивнул Самсонов. – Это сейчас полно фирм, которые покроют тебе пленкой все что угодно. Их надо проверить. Займись этим, не откладывая, – сказал он Коровину.

Тот кивнул.

– Сделаю. Вряд ли нам дадут адрес клиента, но по крайней мере описание получить должны. Если, конечно, убийца не заказал рисунок год назад.

– Это маловероятно. Я думаю, он действует по свежим следам, – сказал Самсонов. – Жаль, что такие сложности с опознанием тела. Что сказал по этому поводу Полтавин? Я забыл его спросить.

– Пока ничего, – отозвался Дремин. – Ему нужно больше времени.

– Одежда жертвы?

– Отсутствует.

– Тогда это почти наверняка... женщина. – Самсонов хотел сказать «девочка», но не смог. – Обычно мужчины не любят раздевать мужчин, это у них вызывает ассоциации с гомосексуализмом.

– Если это женщина, то можно считать нашего парня гетеросексуалом, – заметил Коровин. – Уже кое-что.

– Мелочь, а приятно, – хмыкнул Морозов.

– В таких случаях все приходится собирать по крупицам, – сказал Самсонов. – У нас есть еще оно отличие от первого случая, – добавил он, с трудом заставляя себя называть смерть Марины «случаем». Но так было нужно: абстрагироваться, отмежеваться, забыть об эмоциях, затоптать их, чтобы изловить преступника. – В тот раз он оставил одежду, и жертву можно было опознать.

– Куда он деваает кровь? – снова поднял эту тему Дремин. – Ее и тогда было слишком мало.

– Забирает с собой, – мрачно ответил Самсонов. – У него есть сосуд, в который он ее сцеживает.

– Но это неудобно, – запротестовал Морозов, доставая сигарету и карманную пепельницу. – Ведь после работы утилизатора кровь оказывается повсюду, и ее нелегко собрать. Куда проще сделать надрез.

– Согласен, – подхватил Коровин. – Как на бойне: подвесить тело вверх ногами и перерезать яремную вену, а внизу поставить тазик или...

– Хватит! – прервал его Морозов, взглянув на лицо Самсонова.

– Извини! – осекся Коровин. Его широко расставленные глаза быстро заморгали. – Занесло.

– Нет, вы правы, – кивнул Самсонов. – Собирать кровь после того, как тело изуродовано утилизатором, действительно неудобно. И возникает закономерный вопрос: зачем убийца так поступает?

– Думаю, ему не нужна вся кровь, – заметил Дремин, поглаживая указательным пальцем тонкие усики. – В прошлый раз пропало четыре литра, и теперь едва ли исчезло намного больше.

– Надо понять, хранит ли убийца ее где-то как трофей или использует, – сказал Самсонов. – Во втором случае она может появиться даже там, где ее увидят люди. Впрочем, это если нам очень повезет.

– Вряд ли об этом сообщат в полицию, – заметил Морозов. – На улице часто бывает кровь. Люди думают, что это результат драки или что у кого-то в носу слабые сосуды.

– А я обычно думаю про размороженное мясо, – вставил Коровин.

Самсонов обвел комнату взглядом. Кроме него, Дремина, Морозова и Коровина в ней сидели еще несколько человек – полицейские из «убойного» отдела, прибывшие первыми, – но они только слушали и не вмешивались. Два опера вообще дремали на дырявом диване. Им не было дела до того, что кто-то умер, что убийца на свободе, – они хотели спать и вообще поскорее попасть домой.

Следователь на мгновение испытал досаду, но тут же погасил это чувство. У него достаточно помощников, а большая часть присутствующих сейчас на территории завода уже завтра отколется от расследования – они приехали в составе опергруппы и скоро займутся совсем другими делами. Поэтому их можно не принимать в расчет.

– Как кровь связана с Кали? – вдруг спросил Дремин.

– А? – Самсонов вздрогнул. – Что ты сказал?

– Я говорю, кровь имеет какое-нибудь отношение к Кали? Ну, там, жертвоприношение, например.

Следователь кивнул:

– Еще какое! Кали – самая кровожадная богиня индуистского пантеона. Это мать убийств и всяческих зверств. Раньше ей регулярно приносили в жертву людей.

– Думаешь, и на этот раз было что-то в этом роде? – проговорил Коровин. – Мы что, должны искать индуса? – Он удивленно поднял брови.

– Если да, то это будет не очень сложно, – заметил Морозов.

– Поэтому я очень сомневаюсь, что это действительно так, – сказал Самсонов. – Тот, кто нам нужен, наверняка просто поклоняется Кали. Не знаю, почему именно ей. Возможно, он как-то связан с Индией. Даже почти наверняка.

– Жил, работал? – вставил Морозов.

Самсонов кивнул:

– Она должна была произвести на него сильное впечатление, если он решил, что обязан приносить ей жертвы.

– А что, индусы пользовались утилизатором? – спросил Коровин. – Я как-то с трудом себе это представляю.

– Я думаю, это нужно уточнить, – ответил Самсонов. – Может, у них было что-то вроде здоровенной мясорубки. Хотя, если честно, очень сомневаюсь.

– Если парень – последователь культа Кали, то дома он должен был устроить подобие храма, – задумчиво проговорил Дремин. – Так?

– Возможно, – согласился Самсонов. – И что?

– А для храма нужны иконы, верно?

– В данном случае – скульптуры Кали, – поправил его следователь.

Дремин нетерпеливо махнул рукой:

– Не важно. В любом случае их надо где-то брать.

– Предлагаешь проверить, в каких магазинах покупали изображения Кали? – спросил Самсонов.

– Думаю, не так уж много лавок, где торгуют индийскими сувенирами.

– А тех, где есть Кали, и того меньше.

– Почему?

– Эта богиня даже в Индии не в почете.

– Seriously?

– А ты бы любил того, кто требует, чтобы ему каждую неделю приносили в жертву кого-нибудь из твоей деревни?

– Вряд ли.

– То-то и оно.

– Убийца мог заказать скульптуру Кали через Интернет, – заметил Коровин. – Надо проверить и это.

Морозов фыркнул:

– Это нереально!

– Долго, но осуществимо, – возразил Самсонов. – Надо просто выяснить, какие интернет-магазины предлагают изображения Кали. Это редкий товар, вряд ли их закупают десятками.

– Я узнаю, – вызвался Коровин.

Еще час прошел в разговорах. Но все понимали, что, пока криминалисты не закончат работу, делать им особенно нечего. Здесь даже не было Интернета, чтобы начать проверять заказы.

Наконец в дверях появился Полтавин. Вид у него был усталый, на плечах блестели капли дождя. Он вытер комбинезон первой попавшейся на глаза тряпкой, налил себе кофе в пластиковый стаканчик и сел за стол у окна.

– Ну что? – спросил Самсонов.

– Это женщина, – ответил патологоанатом, дуя на и так чуть теплый кофе. – Возраст пока назвать не могу, но, судя по лаку на ногтях, ей меньше тридцати. Впрочем, это только предположение.

– А сразу по ногтям нельзя было понять, что это не мужик? – поинтересовался Дремин.

– Такая мысль у меня возникла, – кивнул Полтавин. – И не только из-за лака, но и из-за крашенных волос. Однако преступник мог попытаться ввести нас в заблуждение.

– Покрасить жертве волосы? – удивился Коровин.

– Точно. И ногти тоже.

– А отпечатки? – спросил Самсонов.

– Есть. Кое-что сохранилось. Правда, нам это поможет, только если девушка занесена в базу данных.

– Это маловероятно, – пробормотал Самсонов.

– Да, – согласился патологоанатом. – Шансы мизерные. Разве что у нее были приводы.

– Проститутка?

– Она стала бы легкой добычей.

– Что сейчас? Забираете останки?

Полтавин наконец решился отпить из стаканчика и тут же сморщился.

– Уже упаковали, – ответил он, брезгливо поставив кофе на стол.

– Значит, сворачиваемся?

– Да. Могу только еще добавить, что не хватает примерно трех литров крови.

– Как, по-твоему, убийца ее собирает? – спросил Самсонов.

– Думаю, тут не так много вариантов.

– Не представляю, как собрать кровь, если человек уже перемолот, – заметил Дремин.

Полтавин уставился на него непонимающим взглядом:

– А с чего ты взял, что он так делал?

– А как еще?

Криминалист пожал плечами:

– Самым простым и логичным способом, я полагаю: разрезал артерию и сцеживал столько крови, сколько нужно.

– А я говорил! – тут же вставил Коровин.

– Зачем тогда перемалывать жертву утилизатором? – спросил Самсонов.

– Откуда ж я знаю? – развел руками Полтавин.

– Есть следы крови, указывающие, что ее собирали именно так, как ты сказал?

– Нет. Крови нет нигде, кроме как на утилизаторе и вокруг него.

– Напоминает алтарь, верно? – заметил Морозов.

– Что? – переспросил Полтавин.

– Для жертвоприношений.

– Хм. – Патологоанатом снял очки и потер переносицу. – Ну, не знаю. Может быть. Это вы из-за рисунка так решили?

– Да, – сказал Морозов. – Это Кали.

– Мне это ни о чем не говорит.

– В Индии ей приносили жертвы.

– Ясно. При помощи утилизатора?

– Нет, наверное.

Полтавин залпом выпил холодный кофе и встал.

– Ладно, – сказал он. – Тут мы закончили. Отчет будет вечером или завтра до полудня.

Так что пока отдыхайте.

Через час все покинули территорию завода. Оставили только заградительные ленты и опломбировали ворота.

У Самсонова зазвонил телефон. Это был Фридрих Николаевич Тимченко, психолог. Следователь посещал его некоторое время из-за кошмаров, которые мучили его после смерти сестры. Самсонов нехотя ответил на вызов:

– Да?

– Валера, это Фридрих Николаевич.

– Здравствуйте.

– Извини, что беспокою. Мне звонил твой начальник, сказал, ты занимаешься делом, которое может быть связано с тем... старым.

– Да.

– Не хочешь встретиться?

– Пока нет. Со мной все нормально.

– А кошмары?

– Никаких кошмаров, – соврал Самсонов. – У меня все отлично.

Тимченко помолчал.

– А провалы в памяти? – спросил он.

Самсонов почувствовал волну раздражения.

– Ничего такого не было уже давно, вы же знаете, – ответил он резко.

Кажется, психолог почувствовал его настроение.

– Если что-нибудь... – начал он.

– Я вам обязательно позвоню, – перебил Самсонов.

– Обещаешь?

– Да! Мне нужно идти.

– Хорошо. – Тимченко отключился.

Сев в машину, Самсонов включил радио. Нашел любимую станцию, прибавил звук. Еще не хватало, чтобы с ним носились, как с больным! Его это раздражало раньше, а теперь – просто вывело из себя. И на кой черт Башметов влез со своей заботой?!

Несколько минут, стараясь успокоиться, Самсонов наблюдал за тем, как грузятся криминалисты и опера, затем протянул руку и открыл бардачок. Там лежал пластиковый пузырек с лекарством. Он не принимал его уже давно, но срок годности еще не вышел. Самсонов подержал пузырек в руке, затем открутил крышку и высыпал на ладонь две таблетки. Полминуты неуверенно смотрел на них, раздумывая.

Нет! С ним все в порядке! Самсонов решительно бросил таблетки обратно и сунул пузырек назад в бардачок. Захлопнул его, завел мотор и вывел автомобиль на трассу.

* * *

Самсонов ехал в своем синем «Шевроле», слушая по радио «Welcome to the jungle» и думая о том, что это убийство не может быть подражанием. Он не знал, почему у него такое ощущение, но был готов побиться об заклад, что поклонник Кали снова вышел на охоту. Теперь он, наверное, снова затаится, хотя, скорее всего, на меньший срок. Говорят, когда речь идет о серийных убийствах, то после каждого последующего проходит все меньше времени: преступник входит во вкус и чувствует безнаказанность.

На соседнем сиденье лежала папка с делом Хоботова – Самсонов собирался лично проштудировать ее и проверить, насколько весомы были улики. Расследование тогда вел старший лейтенант Лукин – его фамилия стояла на обложке и вложенных документах. К нему Самсонов и решил направиться в первую очередь – сразу после того, как выяснит все, что касается Кали.

Дождь почти прекратился, но тучи не разошлись, хотя на горизонте виднелся синий краешек неба. Следователь опустил стекло и вдохнул теплый влажный воздух. Скоро он опять станет горячим и сухим и принесет запахи гниения – вечный букет большого города.

В управе полицейские первым делом собрались у Башметова. Начальник был в мрачном расположении духа, лицо у него выглядело помятым, глаза покраснели от табачного дыма. Он курил – на этот раз не сигару, а обычные сигареты. В пепельнице уже лежала гора окурков, вокруг серел просыпавшийся пепел.

– Праздник отменяется, – проговорил Башметов, когда все уселись. – Сами понимаете. Если бы по этому делу не осудили мужика, которого в тюрьме прикончили сокамерники, все можно было бы расследовать в обычном темпе, но сейчас будет скандал. Это точно. Газеты раструбят о том, что у нас в стране сажают невиновных. Может, и по телеку пройдутся. Так что уж извините, но все выходные отменяются. Поймать убийцу надо в кратчайшие сроки! – Башметов несильно хлопнул ладонью по столу, взметнув тучку пепла. – Лучше всего дня за три. Понимаю, зацепок почти нет, особенно если учесть, что опознать жертву вряд ли удастся. Полтавин мне позвонил и сказал, что с этим могут быть серьезные проблемы. Отпечатки он по базе прогонит, но шансов, что девчонка в ней есть, конечно, маловато. Так что делайте что хотите, но преступника мне сыщите! Ясно?! Вопросы есть? Нет? Тогда работайте. Самсонов старший, его группа – Дремин, Морозов, Коровин. Если понадобятся еще люди, говори, Валера.

– Спасибо, Павел Петрович.

Башметов кивнул и отвернулся, давая понять, что совещание окончено. Полицейские начали расходиться.

– Я займусь заказами изображений Кали, – сказал Коровин уже в коридоре. – Как и договаривались.

– А я возьму у криминалистов отпечатки шин и поищу машину, – предложил Морозов. – Думаю, их-то они уже обработали. Это ж минутное дело, если есть компьютер, подключенный к базе.

– А я схожу в магазин и куплю нам всем пожрать, – практично добавил Дремин. – Раз мы работаем в авральном режиме, то будем питаться прямо здесь. А потом займусь фирмами, в которых ламинируют документы.

Расставшись со своими подчиненными, Самсонов направился в кабинет, где были компьютер и Интернет. По пути он позвонил Карине:

– Алло, привет.

– Привет! – Голос был радостный, как всегда.

Самсонов вздохнул: он не любил расстраивать Карину.

– Слушай, тут такое дело, я сегодня никак не смогу.

– Ты шутишь?!

– Да нет, я серьезно. Извини, пожалуйста.

– А что такое? – Голос у девушки сразу упал.

– Работы много.

– Срочно, что ли?

– Срочно, да.

Короткая пауза.

– Жаль.

– Мне тоже жаль.

– А завтра ты будешь свободен? – спросила Карина. – Не забыл, надеюсь, что обещал?

Самсонов надеялся, что она не задаст этот вопрос. Он отлично все помнил, но надеялся по возможности оттянуть ответственный момент. Так что полицейский был даже рад тому, что придется работать с утра до вечера.

– Забыл? – строго повторила Карина, по-своему расценив короткую паузу.

– Нет, – поспешно ответил Самсонов. – Помню, конечно же, но завтра тоже не смогу. Извини, я бы с удовольствием, – тут он соврал, – но такое дело, сама понимаешь. Мы все работаем в авральном режиме. Как только станет посвободнее, так сразу.

– Ладно, так и быть, – отозвалась девушка. – Дам тебе отсрочку. Но, чур, больше не увиливать! Я уже сказала папе, что он скоро с тобой познакомится, так что не подводи меня. А то он решит, что мой парень от него прячется! – Она хихикнула.

– Нет-нет, я не собираюсь от него бегать, – кисло ответил Самсонов. Видимо, Карина уловила его тон.

– Слушай, все нормально? – Голос у нее стал напряженным.

Следователь понимал почему: в последнее время он не задерживался на работе и тут вдруг накануне знакомства с ее отцом все отменяет, потому что неожиданно появилось дело, которое нужно срочно раскрыть.

– Конечно, все нормально, – сказал он как можно увереннее. – Я позвоню вечером.

– Ладно, – отозвалась Карина. – Я тебя люблю.

– Я тебя тоже, – с облегчением сказал Самсонов. – Целую.

Отсоединившись, Самсонов открыл дверь кабинета и вошел. Сразу открыл форточку, чтобы проветрить: воздух показался ему спертым. Затем достал из папки с делом Хоботова рисунок, сделанный убийцей больше десяти лет назад.

Кровожадная богиня танцевала, сжимая в четырех руках орудия смерти. Ее красные губы были раздвинуты, и между ними виднелись белые клыки. На шее висело ожерелье из человеческих черепов.

Самсонов достал новый рисунок, заламинированный. Положил оба на стол и отступил на шаг. Прекрасно выполненные копии древнего изображения. Символы смерти двух девушек, принесенных в жертву темной богине.

Полицейскому пришло в голову, что убийца мог оставить на новом рисунке какую-нибудь подсказку: он читал, что некоторые маньяки именно так и поступают, предлагая следователям поиграть в кошки-мышки.

Самсонов взял листок и поднес поближе к глазам, чтобы всмотреться в детали. Но все линии в точности повторяли те, которые он изучил за прошедшие годы вдоль и поперек. Зато полицейский почувствовал едва уловимый, но приятный запах. Самсонов сильнее втянул ноздрями и понял, что это духи. Аромат даже показался ему знакомым.

Полицейский тут же набрал номер Полтавина: рисунок следовало вернуть на экспертизу и установить, какой именно марки духи остались на поверхности ламината.

* * *

Когда на месте преступления находят улику, прежде всего следователь должен постараться выяснить, что это: часть преступления или часть преступника? Оставил он ее намеренно, и тогда нужно говорить о его почерке, или случайно, по неосторожности?

Например, кусочек мела, завалившийся под тело. Что он означает? Может быть, убийца положил его туда, чтобы намекнуть на то, что... А может, мел выпал из кармана, и преступник не заметил этого. Тогда логично предположить, что преступник – человек, постоянно использующий мел, всегда носящий его в кармане. Скорее всего, он нужен ему для работы. Едва ли это учитель: учителя не таскают мел в карманах, потому что пользуются им лишь в одном месте – у доски. Носить мел с собой приходится тому, кто делает пометки на ходу, все время перемещается из одной точки в другую.

Но что касается рисунка Кали, сомнений быть не могло: преступник оставил его нарочно, даже заламинировал, чтобы с ним ничего не случилось и он наверняка попал в руки полиции. Это был важный элемент почерка убийцы, его подпись.

Самсонов открыл браузер и ввел в строку поисковика слово «Кали». Выпало множество ссылок. Полицейский открыл несколько и стал читать. Параллельно он копировал то, что могло оказаться важным, и переносил в отдельный файл.

Минут через двадцать в дверь постучал Дремин.

– Привет, – сказал он, входя. – Чем занят?

– Да вот, ищу материал по Кали.

– Хочешь сказать, что не делал этого раньше?

Самсонов понял, что имеет в виду Дремин. Конечно, он штудировал эту тему, когда погибла Марина, но прошло столько лет.

– Надо освежить знания, – сказал он.

– И что нарыл?

– Ничего особенного, если честно. Ты вообще что-нибудь знаешь о Кали?

Дремин усмехнулся:

– А сам ты как думаешь? Могу узнать по картинке – не больше того. Да и то только потому, что жена недавно какой-то ужастик смотрела, и там действие в Индии происходило.

– Ясно. Рассказать?

Дремин досадливо поморщился, но тут же мужественно кивнул:

– В самых общих чертах.

– Кали – это темная ипостась Парвати, Шакти и Шивы, она символизирует разрушение, освобождение. При этом она же поддерживает мировой порядок и олицетворяет материнское начало.

– Как оригинально! – хмыкнул Дремин.

– Образ Кали связан также с понятием времени и черным цветом, – продолжал Самсонов. – Среди вариантов ее имени – Каликамата, то есть «черная земная мать», и Каларати – «черная ночь».

Дремин взял один из рисунков и внимательно его разглядел.

– Что означают все эти штуки у нее в руках? – спросил он, привычным движением поглаживая усики. Жена говорила, что они делают его похожим на Кларка Гейбла, хотя сам Дремин был уверен, что у него одно лицо с Антонио Бандерасом.

– Тут есть описание, – ответил Самсонов. – Слушай. Кали, как правило, изображается в виде четырехрукой женщины с синей кожей. В одной руке она держит меч, уничтожающий сомнения, в другой – голову демона, которая означает эго. Третьей рукой она делает избавляющий от страха знак, а четвертой благословляет на исполнение желаний. Руки Кали сим-

волизируют четыре стороны света, а три глаза управляют творением, сохранением и разрушением, а также соответствуют прошлому, настоящему и будущему. Пояс из человеческих рук обозначает неумолимое действие кармы. – Во время чтения Самсонов водил пальцем по рисунку, как бы иллюстрируя описание. – Синий цвет кожи символизирует смерть и замутиненное сознание. Это космос, который вбирает в себя все сущее.

– А черепа? – спросил Дремин.

– Это чередование человеческих воплощений. Их пятьдесят – как и букв в санскрите.

– Реинкарнации? Переселение душ?

Самсонов кивнул.

– Под ногами Кали труп, который означает, что физическая оболочка вторична по отношению к жизни духа. Вот еще что, по-моему, может быть интересно: Кали символизирует недостижимую красоту, неразделенную любовь. Красота не имеет формы. – Самсонов сделал паузу.

– Думаешь, убийца поэтому пользуется утилизатором? Уничтожает форму? – спросил Дремин.

– Не знаю. Может быть.

– Что там еще есть?

– Кали уничтожает неуверенность, сомнения, двойственность. Она как проблеск молнии, не терпящей компромиссов. Ее символ – это полумесяц.

– Надо запомнить. На всякий случай.

– А вот это, мне кажется, должно интересовать нашего убийцу. Не удивлюсь, если он часто бывает в Кунсткамере.

– Почему?

– Потому что там выставлен алтарь Кали из слоновой кости. Восемнадцатый век. Наверное, убийце очень хотелось бы принести на нем жертву.

– Можно устроить там наблюдательный пункт, – неуверенно предложил Дремин.

– Не можно, а нужно. Особенно сейчас, когда он набрал крови. Организуй кого-нибудь туда, только толкового, чтобы не спугнул.

– Ладно, как скажешь. Все?

– Пока да. Дома постараюсь найти побольше информации, а сейчас хочу съездить к Лукину. Он вел дело Хоботова.

– Ты знаешь его?

– Нет. Адрес возьму в справочном.

– А я пошлю в Кунсткамеру Горелова и займусь фирмами, делающими ламинирование.

Самсонов одобрительно кивнул:

– Удачи. Кстати, я изучил отчет Полтавина. Он помогает примерно представить картину преступления.

– Выкладывай.

Самсонов набрал в грудь побольше воздуха:

– Убийца, по всей вероятности, знакомится с жертвами, втирается к ним в доверие. Наверное, он молод и обаятелен, раз девушки ведутся на него. Или, наоборот, изображает слабость и давит на жалость. Вызывает желание помочь, и жертвы теряют бдительность. Если девушке кажется, что мужчина слаб и немощен, она перестает его опасаться.

– Вспоминается Тэд Банди, – вставил Дремин.

– Много кто вспоминается, – кивнул Самсонов.

– Как преступник заставляет жертв сесть в машину?

– Мало ли способов? Удар по голове – самый простой. А может, угрожает пистолетом или ножом. Затем он делает им укол морфина, чтобы обездвижить, и увозит. Куда – не знаю. Но у него должно быть подходящее укромное место, где никто ничего не увидит и не услы-

шит. Так что сделай вот еще что: проверь или организуй кого-нибудь, чтобы проверил случаи пропажи морфина. Больницы в первую очередь.

Дремин кивнул:

– Ладно, я поручу это Рогожину.

– Убийца фиксирует жертв в утилизаторе при помощи тонких, но очень прочных шнуров. Скорее всего, синтетических. Знаешь, вроде тех, на которых вешают белье.

– Ага, – кивнул Дремин. – Меня как-то жена просила такие купить в строительном. Вроде очень толстой лески. Я зеленую брал, но бывают и других цветов.

– Короче, он ждет, пока они придут в себя, прежде чем убить. А чтобы не кричали, заклеивает губы мгновенно застывающим клеем.

– А как Полтавин узнал, что жертва была в сознании, когда ее раздавило?

– Благодаря клею как раз. Девушка не выдержала и вскрикнула.

– Понятно. Разорванные губы.

– Да.

– Но... тогда убийца не мог собрать кровь жертвы до того, как ее перемолоть, – подумав, заметил Дремин.

– Почему?

– Потому что у первой девушки не хватало четырех, а у второй – трех литров крови.

– И что?

– Человек умирает, если у него откачать два.

– Значит, убийца все-таки собирал кровь во время или после... перемалывания. – Самсонов с силой потер переносицу. – Честно говоря, не думаю, чтобы это было так уж важно.

– Как криминалисты вообще разобрались в этой... кровавой каше?

– Не знаю. Наверное, есть способы. Я вот тут подумал: убийца не закрывает утилизатор, стоит под кровавым дождем. Как он потом добирается до дома? Даже ночью есть вероятность того, что его остановят, да и от машины до квартиры пройти надо. Откуда такая уверенность, что никто не попадется по пути? Кроме того, салон в автомобиле будет весь в крови, а ведь это улика.

– Ну, может, он убивает голышом, а потом моется, – предположил Дремин.

– Он не мог знать, есть ли в цехе вода. Ее могли отключить.

– Логично.

– Я думаю, он пользуется специальным комбинезоном – вроде того, который носит Полтавин.

– Это возможно, – согласился Дремин. – Но вероятно, он приобрел его очень давно, так что проверка закупок ничего не даст.

– На всякий случай уточни.

– Хорошо. Если что-нибудь обнаружу, сообщу.

– Давай. А я пошел.

– Перекусить на дорожку не хочешь? Я принес пиццу, надо только разогреть, и несколько...

– Потом, если получится, – перебил его, вставая, Самсонов.

– Ладно, как знаешь. Я тебе оставлю пирожок. Может быть.

– Спасибо и на этом! – усмехнулся следователь.

Ему показалось, что Дремин в последнее время какой-то напряженный. Он уже не раз ловил на себе его внимательный задумчивый взгляд. Самсонов решил, что пришло время все выяснить. Он остановился на полдороге.

– Слушай, все в порядке? – спросил он, оборачиваясь.

– В смысле? – Дремин поднял брови, но жест показался Самсонову каким-то преувеличенным.

– Ты ничего не хочешь мне сказать?

Следак деланно пожал плечами:

– Да... в общем, нет.

– Точно?

Самсонов и Дремин несколько секунд стояли, глядя друг на друга. Наконец следак смущенно кашлянул и сказал:

– Валер, я просто думаю, что тебе не следовало брать это дело. По крайней мере не возглавлять его.

Самсонов почувствовал, как краска заливает лицо.

– А кто, по-твоему, должен руководить расследованием? – спросил он глухо. – Ты?

– Как вариант, – после паузы ответил Дремин.

– Думаешь, я не смогу найти этого гада?

– Не в этом дело.

– Я знаю в чем. Но я с этим справлюсь.

Дремин развел руками:

– Как скажешь!

– Вот и отлично! – Кивнув, Самсонов быстро вышел из кабинета.

Он чувствовал, что его слегка трясет. Он знал, что рано или поздно кто-нибудь из начальства поднимет эту тему, но не ожидал, что это будет кто-то из его коллег. По дороге к машине он постарался взять себя в руки. Предстояло много работы, и Самсонов не мог себе позволить думать или беспокоиться о чем-то, кроме главного – он должен найти и остановить убийцу!

А прямо сейчас ему предстояло встретиться с Лукиным и с головой окунуться в прошлое – то, в котором были истерзанный труп Марины, убийца, вопящий о своей невинности, и целое море ненависти и боли.

Глава 2

Призраки настоящего

Самсонов отправился узнавать адрес Лукина. Он несколько удивился, когда оказалось, что тот уволился четыре года назад.

Самсонов записал название улицы и номер дома и отправился на северо-восток города. Дождь не прекратился, вопреки ожиданиям, а, напротив, усилился и лил уже как из ведра. Полицейский успел изрядно промокнуть, пока добежал от машины до подъезда дома, где жил Лукин. Нажав на кнопку домофона, секунд двадцать слушал гудки – безрезультатно. Тогда Самсонов вызвал соседнюю квартиру.

– Алло? – проскрипел старушечий голос.

– Почта, откройте, пожалуйста.

Раздался щелчок, и электронный замок жалобно запищал.

Полицейский поднялся на третий этаж пешком. Дверь Лукина была обшарпанной, обитой коричневым коленкором, в нескольких местах порезанным. Из дыр торчал поролон. Не так представлял себе жилище бывшего полицейского Самсонов. Он поднял руку и уже изготовился позвонить, как вдруг распахнулась соседняя дверь, и из нее выглянула старушка с шапкой редких рыжих волос – не покрашенных у корней и оттого казавшихся отдельно живущим у нее на голове существом. На носу у нее были слегка сдвинутые вниз очки, и смотрела она поверх них.

– Это вы звонили в домофон? – спросила она недружелюбно.

– Да, – признался Самсонов.

– Вы попали ко мне, – сказала старушка, хотя это и так было ясно. – Соврали, что почта.

– Каюсь, грешен. Не знаете, Лукин здесь живет еще?

– Как сказать. А вы кто такой будете?

Самсонов продемонстрировал удостоверение.

– Помер Степаныч, что ли? – спросила старушка испуганно.

– Лукин? – на всякий случай уточнил Самсонов.

– Ну да. Петр Степаныч. А то кто ж еще?

– Мне с ним поговорить надо.

– Так он ведь давно не служит уже.

– Знаю. И тем не менее.

– Так вам не сюда, – покачала головой соседка. Она вышла на площадку и притворила дверь. Из глубины квартиры доносились звуки радио. – Степаныч тут не живет с год, пожалуй, а то и больше.

– Как? Переехал? – Самсонов мысленно выругался от досады.

– Да нет, площадь-то его, а вот сам он на даче, в Красницах сидит. Всего раза три тут появлялся.

– А кем он работает, не знаете?

– Да никем, по-моему. Пьет он по-черному.

– Seriously?

– Что ж я, врать буду, что ли?! – возмутилась старушка. – С тех пор как уволили его, так и запил. Не сразу, конечно, но постепенно скатился.

– Уволили?

– Ну да. Не знаете разве?

– Он не сам ушел?

– Говорил, что нет. Жаловался. А как на самом деле, кто ж разберет?

– На что жаловался?
– На начальство.
– Не помните, что именно он говорил?
– Это ж разве можно? Сколько времени прошло!
– А вы знаете, где его дача?
– В Красницах, говорю же. Это по Витебской железной дороге. Хотя вы на машине, наверное, поедете.

– Понимаю, что в Красницах. Адреса нет ли у вас?

Старушка покачала рыжей головой:

– Нет, не оставлял. Да и на что он мне?

Самсонов поразмыслил.

– А жена у Лукина есть? Или дети?

– Не знаю, никогда не видела.

– А давно он тут живет?

– Да лет десять, а может, и больше.

– Мать или отец его живы?

Старушка вздохнула:

– Оба померли. Еще в конце девяностых. Друг за дружкой, с разницей в два года. Степаныч сам рассказывал.

Самсонов поблагодарил соседку и вышел на улицу. Стоя под козырьком возле подъезда, набрал номер Морозова:

– Узнай, где дача Лукина. Да, того, который вел дело Хоботова. На квартире он больше не живет. Перезвони.

Следователь добежал до машины. Спина и плечи были мокрыми, и он снял куртку. Включил радио и крутил ручку, пока не наткнулся на одну из старых песен «Red Hot Chili Peppers». Последнее время Самсонов все чаще слушал музыку. Она отвлекала и успокаивала, а когда было надо, помогала сосредоточиться. Его приучила к этому Карина, отъявленная меломанка. Сам Самсонов перестал слушать музыку лет в двадцать – надоело. Хотя репертуар классики, рока и электронной альтернативы знал неплохо. Но теперь он будто вернулся в прошлое и не уставал заново открывать для себя композиции, которые когда-то любил.

Морозов позвонил минут через десять и продиктовал адрес.

– Поедешь? – спросил он. – Сейчас?

– А куда деваться? Как там у вас, есть подвижки?

– Шины от «Мишлен», подходят к разным мини-вэнам. Так что это нам мало поможет.

– Что насчет скульптур и других изображений Кали?

– Коровин проверяет, нашел пока двоих, кто заказывал изображения по Интернету, и троих, купивших в магазинах. С последними сложнее, потому что удалось получить только описания, да и те не очень точные.

– Давно были сделаны покупки?

– Одна месяц назад, а другая три. Это в магазинах. А по Интернету полгода назад один мужик купил скульптуру, а восемь месяцев назад другой заказал несколько копий со старых рисунков Кали. В том числе того, который мы нашли сегодня на заводе. Но знаешь, мне кажется, что если наш парень убивал и раньше, то он обзавелся всем, чем нужно, давным-давно.

– Скорее всего, – не стал возражать Самсонов. – Но проверить надо.

– Хочешь сам поговорить с теми, кто делал заказы по Интернету? Остальных, я думаю, мы не найдем.

– Не найдем однозначно. Несмотря на все описания. Но рано или поздно они могут пригодиться.

- Для этого надо иметь подозреваемого.
- Само собой.
- Так будешь брать координаты тех, кто заказывал через Интернет?
- Нет, займитесь ими сами.
- Ладно, как скажешь.
- А что с фирмами, ламинирующими документы?
- Их оказалось больше, чем мы думали. Дремин обзвонил уже штук тридцать, но нигде

Кали не ламинировали.

- В фирмы отправляли изображение рисунка?
- Да, каждый раз.
- Ладно.
- У Дремина руки опускаются. Говорит, все бесполезно.

Самсонов невольно испытал чувство удовлетворения (как же – раскроешь ты дело вместо меня!), но тут же устыдился:

- Ничего, пусть продолжает.
- Он и так. Даже заехал в одну фирму поблизости, чтобы узнать, можно ли сделать такое ламинирование дома.

– И что?

– Сказали, что без специального оборудования – нет.

– Ясно. Тем лучше. Если не найдем, где наш убийца заказал ламинирование, будем искать, где он купил нужную аппаратуру.

– Точно.

– Вечером заеду в управу, все обсудим.

– Давай. Мы пока никуда не собираемся.

Самсонов отправился за город. На шоссе были пробки, и поминутно приходилось останавливаться. Глядя на залитое водой лобовое стекло, полицейский вспомнил Марину. Ее образ был расплывчатым, ему никак не удавалось разглядеть ее черты. Зато он слышал ее голос, певший: «Вот раздался тоненький звоночек...» Марина репетировала свою роль для школьного концерта и исполняла эту песенку раз за разом. Как же давно это было!

Чтобы добраться до Красниц, потребовалось почти два часа. Наконец Самсонов нашел забор, на котором белела покосившаяся табличка с номером дома. Выйдя из машины, он подергал калитку. Она была заперта, но открылась, когда он перекинул руку и снял крючок. Полицейский прислушался, не возится ли где-нибудь во дворе собака, но было тихо.

От калитки в глубь участка вела узкая, заросшая осокой тропинка, по обе стороны которой возвышались деревья и кусты. Колодец почти затерялся в шиповнике. Самсонов поднялся на шатающееся крыльцо и постучал. Подождав полминуты, постучал снова. Не дождавшись реакции, толкнул дверь, и она распахнулась. В городе он бы решил, что внутри побывал взломщик, но тут, на собственном участке, хозяин мог и не запирается.

– Эй! – крикнул Самсонов, заглядывая. – Есть кто?

Тишина. Можно зайти и поискать Лукина, но вдруг тот решит, что он грабитель, и пальнет по старой «полицейской» памяти? Следователь постоял на пороге в нерешительности. Наконец шагнул внутрь и вытащил пистолет.

В доме было довольно светло. По крайней мере достаточно, чтобы не спотыкаться. Самсонов шел, прислушиваясь и время от времени громко спрашивая, есть ли кто живой. Рано или поздно хозяин должен был его услышать. Хотя, если верить соседке Лукина, бывший полицейский вполне мог валяться в одной из комнат в пьяном угаре. Или же уйти, оставив дом незапертым.

Под ботинком что-то хрустнуло. Самсонов присел и вгляделся. Ампула. Через пару секунд он заметил еще одну, закатившуюся под тумбочку. Обе пустые, с отломанными горлышками.

В следующей комнате Самсонов увидел настоящую свалку. Здесь были сломанные приборы, большей частью еще советские, ящики с инструментами, мотки проволоки, пустые банки и бутылки. Все покрывал внушительный слой пыли. Похоже, Лукин то ли увлекался ремонтом электроники, то ли подрабатывал этим, но давно забросил.

Пахло кислятиной, старым деревом и картошкой.

– Кто там? – Голос прозвучал отчетливо, но негромко.

Услышав этот короткий вопрос, Самсонов вздрогнул от неожиданности.

– Я из полиции, – сказал он. – Старший лейтенант Самсонов. Разрешите войти? Мне нужно с вами поговорить.

– Давай сюда, – донеслось в ответ.

Самсонов вошел в следующую комнату. Вонь здесь стояла невообразимая – как в при вокзальном сортире.

Окна были закрыты плотными занавесками, так что разглядеть Лукина оказалось нелегко. Темная фигура, укрытая до середины груди одеялом, возвышалась на железной кровати у противоположной стены.

– Тут есть выключатель? – спросил Самсонов.

– Есть, только электричество отрубили. – В голосе послышались насмешливые нотки. – Я задолжал за несколько месяцев. Как ты сказал, тебя зовут?

– Старший лейтенант Самсонов.

– А имя у тебя есть?

– Валера.

– Садись, Валера. Выпить не предлагаю, потому что нет. Или у тебя с собой?

– Нет. – Следователь взглянул на покрытый пылью стул и решил, что постоит. – Я хотел поговорить о деле Хоботова. Помните такое?

– Нет. – Лукин зашевелился, закричал, и вдруг на пол что-то со звоном посыпалось. – Проклятье! Собери, собери скорее!

– Да тут темно, как у черта в..! – Самсонов решительно подошел к окну и отдернул занавеску.

– Ты что творишь?! – заорал, закрывая лицо, Лукин.

Самсонов подошел к кровати и увидел то, что лежало на полу: шприц, оранжевый жгут и три ампулы.

– Ну, что смотришь? – буркнул Лукин. – Давай сюда!

Самсонов с отвращением глядел на пол.

– А сам взять не можешь? – резко спросил он.

– Мог бы – не просил! – Лукин отдернул одеяло и показал тощие, похожие на палки ноги, обтянутые синей кожей. – Диабет, – сказал он. – Не могу встать. Гажу и то под себя. Под кроватью у меня детская ванночка, наверное, уже полная. – Он усмехнулся. – Может, вынесешь, раз уж ты здесь?

– Не похоже на инсулин, – сухо заметил Самсонов, подбирая одну из ампул.

Лукин требовательно протянул похожую на дохлого краба руку:

– Давай сюда!

– Больше на героин, – проговорил Самсонов. – Или морфий. Где достнешь?

– А тебе-то что? – огрызнулся Лукин. – Ты что, из отдела контроля за наркотой? – Он вытащил из-под подушки плоскую фляжку, свинтил крышку и сделал большой глоток.

– А говорил, что выпить нечего, – заметил Самсонов.

Вместо ответа Лукин злобно усмехнулся.

– Что случилось? – спросил Самсонов. – Зачем все это?

– Отдай ампулу! – буркнул Лукин.

– А если нет?

В глазах Лукина вспыхнула ненависть наркомана, у которого отобрали дозу. Он открыл было рот, чтобы разразиться бранью, но вовремя понял, что этим ничего не добьется.

– Ты прав, старлей, – сказал он, растянув губы в усмешке. – У меня не диабет. Рак. Последняя стадия. Не хочу подыхать в палате, а боль заглушает только это. Как достаяю, не скажу. Если хочешь, можешь вызывать из отдела...

– Меня интересует дело Хоботова, – перебил Самсонов, бросая ампулу на подушку.

Лукин быстро накрыл ее дрожащей ладонью, затем смущенно усмехнулся.

– Когда я узнал про рак, начал пить, – сказал он. – В конце концов меня выперли. Лечение не помогало, и я бухал все больше. Теперь вот перешел на дурь.

Самсонову показалось, что Лукин его не слышит. Он вытащил из подмышки папку, которую прихватил с собой, и достал листок с изображением Кали – первый, найденный на месте убийства Марины:

– Знакомая картинка?

Лукин тупо уставился на бумажку, сжимая в кулаке ампулу. Другая его рука, словно большое насекомое, перебирала грязный пододеяльник.

– Что это? – проговорил он через полминуты.

– Кали. Индийская богиня.

– Ну и на кой ты мне ее показываешь?

– Этот рисунок убийца оставил рядом с утилизатором, – терпеливо сказал Самсонов. – Хотя бы перемолотую девочку ты помнишь?

– А-а. – Лукин слегка пошевелился, взял листок и поднес к глазам. – Да. Знаешь, из-за болезни с памятью у меня неважно.

– Эта девочка была моей сестрой, – сказал Самсонов. – Постарайся, ладно?

– Серьезно? Ну и ну! А из-за чего сыр-бор, я что-то не пойму. Того парня посадили, это я помню.

Следователь молча положил на одеяло второй рисунок:

– Это нашли сегодня. Рядом с утилизатором, которым кто-то превратил девушку в фарш.

Последовала продолжительная пауза. Лукину требовалось время, чтобы осознать услышанное.

– То есть, – проговорил он наконец, – он убил снова? Когда он вышел?

– Он не вышел.

– А, да. Верно, его же убили в тюрьме. Тогда... получается, посадили не того?

– Похоже на то.

– Значит, это был не Хоботов? – Голос был абсолютно равнодушным.

– Возможно, это подражатель, – ответил Самсонов. – Но почти все сходится.

– Подражатель? – В голосе Лукина послышалось сомнение.

– Почему бы и нет?

– Ну да. Конечно. – Бывший полицейский слегка пожал тощими плечами.

– Я хотел спросить, у вас были сомнения по поводу виновности Хоботова? – проговорил Самсонов, снова переходя на «вы».

Лукин почти десять секунд молчал, прежде чем ответить:

– Ты поэтому приехал?

– Да.

– Думаешь, я фальсифицировал улики? – Лукин прищурился, глядя на Самсонова.

– Нет. Просто насколько весомы были...

- Доказательства? Это решал суд, верно?
- Конечно. А ваше личное впечатление? Хоботов был виновен?
- Ты читал дело?
- Да.

Пальцы Лукина продолжали комкать пододеяльник, он с тоской посмотрел на жгут. Ему явно хотелось, чтобы Самсонов ушел.

– Я вас не задержу надолго, – сказал следователь.

– Хоботов работал на стройке. Сварщиком. У него в квартире нашли прядь волос твоей сестры в конверте под матрасом и краски, которыми он рисовал Кали на этой бумажке. – Лукин приподнял первый листок. – Тогда я был уверен, что он виновен. Я ему ничего не подбрасывал. Да и что я мог ему подсунуть?

– А что говорило в пользу Хоботова? Я читал, что на баночках с краской не было его отпечатков.

– Зато они были на конверте с волосами. Кроме того, мы нашли у него дома перепачканные краской перчатки.

– И решили, что он рисовал в перчатках?

– Это казалось логичным: иначе на бумаге могли остаться отпечатки.

– А на внутренней стороне перчаток были отпечатки?

– Да. Как же иначе?

Самсонов немного помолчал, прежде чем задать следующий вопрос:

– Как вел себя Хоботов?

Лукин слабо усмехнулся:

– Все отрицал. Что ему оставалось делать?

– Объяснить, зачем он убил мою сестру.

– Знаешь, он был не из тех, кто мечтает о славе и спешит поделиться с миром своими мыслями.

– Он так и не признался, верно?

– Нет. Но это меня не удивило.

– Что он говорил по поводу найденных у него улики?

Лукин усмехнулся:

– То же, что и все. Подбросили.

– А отпечатки?

Лукин страдальчески прикрыл на мгновение глаза:

– Он считал, что у него украли перчатки и бутылку, чтобы подставить.

– Вы не проверяли эту версию? Не проверяли тех, кто мог это сделать?

– Нет. Его объяснения выглядели попросту нелепо. Я не воспринял их всерьез.

– Сейчас, глядя на второй рисунок, вы все еще считаете, что Хоботов был убийцей? – спросил Самсонов.

Лукин поднял на него мутные глаза:

– Сейчас, на что бы я ни смотрел, мне все до лампочки, – ответил он. – Может, уже свалишь и дашь мне ширнуться?

Самсонов собрал рисунки и положил в папку.

– Спасибо, – сказал он.

– Не за что. Подай резину и машинку. – Тощий палец наркомана нацелился на пол.

Полицейский подобрал шприц и жгут и положил их на одеяло. Он хотел что-то сказать, но передумал.

– Извини, что не встаю проводить. – Лукин уже завладел жгутом, и тот теперь извивался у него между пальцами, словно тонкая оранжевая змея.

Выйдя на улицу, Самсонов вдохнул полной грудью. Только теперь он понял, какой жуткий запах царил внутри. Затхлость болезни, лекарства, испражнения, пыль, гниущее дерево, гниющая плоть – признаки приближающейся смерти.

Быстрыми шагами полицейский вернулся к машине и сел за руль. Папку положил рядом. Итак, он почти ничего не добился. Но теперь по крайней мере знал, что Лукин не фальсифицировал улики. Это сделал кто-то другой. Тот, кто имел доступ к ключам от квартиры Хоботова. Самсонов открыл папку и пробежал глазами сведения о подозреваемом. Да, все верно: тот работал сварщиком во время сооружения моста через один из многочисленных притоков Невы. Возможно, Хоботова подставил один из его коллег?

Самсонов отправился в город и через пару часов припарковал «Шевроле» возле управы. Поднимаясь на второй этаж, он буквально столкнулся с Дреминым.

– Уже вернулся? – спросил тот. – Нашел Лукина?

– Да.

Самсонов вкратце описал свой визит к бывшему полицейскому.

– Печально, – сказал Дремин. – Я не знал, что с ним случилось.

– А у вас как дела? Что-нибудь выяснили?

Разговаривая, они дошли до кабинета Самсонова.

– Подожди, сейчас все расскажу, – сказал следователь. – Есть, кстати, хочешь? Я тебе кусок пиццы припрятал. Морозов пытался сожрать, но я отстоял.

– Тащи! – кивнул Самсонов, снимая мокрую куртку. Он плюхнулся в кресло и откинул голову. В висках пульсировало, предвещая мигрень. Надо бы принять обезболивающее.

Дремин вернулся через пару минут с куском пиццы на бумажной тарелочке.

– Уж извини, что не на фарфоре, да и разогреть негде...

– Давай сюда! – перебил его Самсонов.

Пока он поглощал пиццу, Дремин рассказывал:

– Мы проверили всех, кто делал заказы изображений Кали через Интернет. По-моему, безрезультатно, но отчеты я тебе принесу.

– В каком смысле проверили? – перебил Самсонов. – Были у них дома, узнали, где они находились этой ночью?

– Да. Все проверили досконально. Задействовали людей и пропахали асфальт расческой, как говаривал, бывало, мой преподаватель по криминалистике. Эти ребята чисты.

– Ну, я особенно и не надеялся, что нам повезет, – кивнул Самсонов. – Думаю, наш парень давным-давно обзавелся всем, что ему нужно, чтобы служить Кали.

– Я тоже так думаю. Но слушай дальше.

– Выкладывай.

– В одной из фирм вспомнили, как выглядел человек, заказавший ламинирование рисунка.

Самсонов застыл, не донеся кусок пиццы до рта:

– И?

– Мужчина лет сорока, с усами и бородой, в дымчатых очках и бейсболке. Брюнет. Был в синем спортивном костюме и перчатках. Последнее показалось работникам фирмы странным, вот они его и запомнили.

– Я так понимаю, никаких данных о себе он не оставлял?

– Нет. Там такая же система, как в фотоателье: сдаешь материал – тебе дают бумажку с номером. Потом приходишь, отдаешь квиток, оплачиваешь заказ и забираешь выполненную работу. Он расплатился наличными. Естественно.

– Да, – пробормотал Самсонов. – Естественно. А на чем он приезжал?

– Этого никто не заметил.

– Еще какие-нибудь приметы были?

- Нет. Это было семнадцатого марта, так что времени прошло немало.
- Откуда известна точная дата?
- По журналу заказов.
- А, ну да. Как он назвался? При оформлении должны были спросить фамилию – так проще искать заказ, когда клиент за ним приходит.
- Дремин усмехнулся:
  - Назвался Курочкиным. Уверен, что соврал.
  - Естественно. Столько предосторожностей: и усы, и борода, и кепка с очками, не говоря уж о перчатках, – и вдруг сообщил бы свою настоящую фамилию?
  - Но мы все равно проверяем Курочкиных.
  - А если он в Питер приезжает только на время?
- Дремин развел руками:
  - Ну, тогда мы его не найдем, сам понимаешь. Но это вряд ли. Чтобы выбрать жертву и на подготовку похищения требуется немало времени, для этого надо жить здесь.
  - Я тоже так считаю. – Самсонов засунул в рот последний кусок пиццы и вытер руки носовым платком. – Надо узнать, какие в Питере есть секты, посвященные Кали.
  - Думаешь, они есть? – В голосе Дремина прозвучало сомнение.
  - Вот и узнаем.
  - Ладно, я займусь.
  - А Морозов и Коровин пусть возьмут на себя коллег Хоботова. Я хочу знать, не подставил ли его один из них. Понимаю, времени прошло слишком много, и все же.
  - Конечно, проверить надо все. Никогда не знаешь, где повезет найти улики.
  - Вот уж точно! – согласился Самсонов. – Ладно, за работу.
  - Подожди, это еще не все.
  - Ну?
  - Звонил Коровин. Мы опознали жертву.
  - Да ладно?! Как? – Брови у Самсонова сами собой поползли вверх.
  - Архаровцы Полтавина нашли кусочек кожи с временной татуировкой. Когда отмыли кровь, она стала видна.
  - И? Там ее паспортные данные были, что ли?
  - Нет. Только герб с жеребцом и девизом, написанным по-латыни.
  - Каким девизом?
  - «Любовь побеждает все».
  - И как это помогло узнать, кто она?
  - Коровин обзвонил тату-салоны. В одном ему сказали, что такой рисунок недавно сделали шесть девчонок из стрип-клуба. После этого найти их было делом времени.
  - Ясно. И кто жертва?
  - Александра Николаевна Чижикова. Она же Анабэль. – Дремин усмехнулся. – Это, как ты понимаешь, сценический псевдоним.
  - Ее объявляли в розыск?
  - Нет, у нее были выходные. Так что никто не хватился.
  - Как она собиралась провести свой уикенд?
  - Этого мы пока не знаем. Я думаю отправиться в стрип-клуб часам к десяти вечера и пообщаться с ее подружками. Коровина интересовала только личность погибшей, он почти не расспрашивал их.
- Самсонов нахмурился:
  - Почему именно к десяти?
  - Они все должны быть сегодня там. В клубе большое эротическое шоу.
  - Понятно. А жена тебя отпустит?

- Если узнает, куда я собираюсь, – нет, – усмехнулся Дремин. – Со мной-то не хочешь?
- Посмотрим. Сначала займись сектами.
- Да помню, помню. Кстати... – Следак на секунду запнулся. – У твоей сестры не было тату? Хотя бы хной?
- Нет. Она... маловата для татушек была.
- Коровин не стал сообщать подружкам Чижиковой, что ее убили. Это хорошо, а то они могли удариться в панику и попытаться сбежать, опасаясь, что будут следующими. И ищи-свищи их потом!
- Самсонов подумал, что Коровин поступил правильно. Большая удача – работать с людьми, знающими свое дело.
- Хорошо, – кивнул он. – Значит, ты сегодня проверяешь секты Кали и стрип-клуб, так?
- Служба! – притворно вздохнул Дремин, поглаживая тонкие усики.
- Я еще просил Полтавина определить, что за аромат остался на рисунке Кали, – вспомнил Самсонов. – Он ничего про это не говорил?
- Да, точно! – Дремин хлопнул себя ладонью по лбу. – Только вряд ли нам это поможет.
- Сам знаю. Что сказал Полтавин?
- Это «Живанши». Для женщин.
- Знаю такой, – кивнул Самсонов. – Дарил Карине на день рождения. – Он встал. – Съезжу на мост, где работал Хоботов.
- Зачем? – удивился Дремин. – Там давно ничего не осталось, даже если что-то и было.
- Само собой. Но я хочу осмотреться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.